

К. Абрамова

ЖУРНАЛ «ТОВАРИЩ» (1928–1931 гг., г. НОВОСИБИРСК): АВАНГАРДНЫЕ ЧЕРТЫ СИБИРСКОГО ПИОНЕРСКОГО ЖУРНАЛА*

В статье рассматривается детский журнал «Товарищ», выходивший в Новосибирске с 1928 по 1931 гг. В статье представлен анализ особенностей содержания и оформления журнала, характерных для авангардных периодических изданий 1920–1930-х гг. В центре исследования — проявленное редакцией стремление следовать установкам «литературы факта», которое сочеталось с регулярным смещением приемов, направленных на стирание границ между «реальностью» и «литературой», с ориентацией на литературную традицию.

Ключевые слова: авангард, сибирская периодика, пионерские журналы, «литература факта», монтаж, «Сибирский детский журнал», серийность, иллюстрации, журнал «Товарищ».

В 1920-е гг. в Сибири, как и во всем Советском Союзе, происходит перестраивание всех сфер общества, в том числе детской литературы и журналистики. В послереволюционные годы в сибирской периодике резко возрастает число изданий, нацеленных на молодежную и детскую аудиторию. Так, до 1917 г. на территории Сибири выпускался только один журнал — «Сибирский студент» (1914–1916, г. Томск), а после 1918 г. в Омске выходят журналы «Юность» (1918), «Юношеская правда» (1920), «Омский рабфаковец», «Юный пропагандист» (1922–1923; с № 5 за 1922 г. издавался в Новониколаевске), в Барнауле — «Юный алтаец» (1920), в Иркутске — журнал «Молодая жизнь» (1920) и газета «Комсомолия» (1924–1930, в 1930 г. изменила название и выходила под заголовком «Восточно-Сибирский комсомолец», с 1938 г. — «Советская молодежь»), в Новосибирске — «Сибирский детский журнал», позже переименованный в «Товарищ» (1928–1931).

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-04-00268 «Сибирский авангард 1920–1930-х годов: газета, журнал, альманах, сборник».

Всплеск интереса к детской и юношеской теме соответствовал общей тенденции 1920-х гг.: в Москве и Петрограде появлялось огромное количество детских книг и периодических изданий нового типа. Тогда же газеты и журналы, предназначенные для детей, начинают выпускаться во многих крупных городах Советского Союза: Тбилиси, Ереване, Чите, Симбирске, Баку, Саратове, Ташкенте, Киеве, Свердловске, Нижнем Новгороде, Пензе, Хабаровске, Ростове-на-Дону, Новосибирске [Ильина 1958, с. 25; Литовская 2013, с. 110–134].

Развитие детской литературы в эти годы связано с провозглашенным в статье Кормчегго и выступлениях Ленина курсом на воспитание будущих жителей нового мира в духе коммунистических идеалов и морали [см. подробнее, например: Ильина 1958; Холмов 1983; Колесова 2009; Д'Арканджело 2013; Балина 2013; Хеллман 2016]. Но, как нам кажется, интерес к теме детства вырастает еще и из самой сути авангардного искусства, стремящегося к созданию нового мира на месте отвергнутого и разрушенного старого [об обращении авангардистов к примитивизму, архаике и детскому творчеству см. подробнее, например: Бобринская 2006]. Тесная взаимосвязь детских изданий 1920–1930-х гг. с идеями и установками авангарда обусловлена также тем, что многие писатели, поэты, художники вынуждены были искать способы существования и заработка в новых социальных, идеологических, экономических условиях. Одной из таких возможностей для них стала детская печать.

Указанные обстоятельства приводили к тому, что подходы к созданию произведений для детей менялись, и эти изменения были связаны не только с идеологическими установками новой детской и юношеской литературы, но и с новыми художественными приемами оформления и организации текстов в книгах и периодике для детей и молодежи.

В сибирских изданиях, упомянутых в начале статьи, также прослеживаются тенденции, характерные для искусства авангарда 1920–1930-х гг. Целью нашей статьи является анализ содержания журнала «Товарищ» (выходил в г. Новосибирске с января 1928 по декабрь 1931) в контексте русского (советского) авангардного искусства 1920–1930-х гг. На наш взгляд, именно в этом издании черты авангардизма проявились наиболее ярко и последовательно, но в то же время реализация этих черт, как мы покажем далее, была неполной и противоречивой. Последнее также становится своеобразной характеристикой, присущей, по замечанию Ю. Н. Гирина, всему искусству

авангарда в целом: «Будучи пограничным в историко-культурном смысле феноменом, авангард является моментом порождения новых противоречивых смыслов, соответствующих постклассической нелинейной картине мира» [Авангард в культуре XX века 2010, с. 45]. Исследователь говорит о непротиворечивом сочетании в авангарде утопизма, устремленности в будущее, отрицания прошлого и разрыва с «устарелым» бытом с «поистине онтологической интерпретацией самого отрицаемого “быта” и с активной интеграцией в новую систему якобы “бросаемых с корабля современности” форм классической культуры» [Там же с. 45]. Подобное проявление сочетаемости, казалось бы, противоречивых черт, сосуществование стремления передачи «реального», «настоящего» и таких произведений, против которых выступали идеологи «литературы факта», мы можем наблюдать и в первом сибирском журнале для детей.

Журнал «Товарищ» (первые шесть номеров издания выходили под названием «Сибирский детский журнал») выходил в издательстве «Сибкрайиздат» под руководством Сибкрайоно и крайкома ВКЛСМ, первый его номер был выпущен 6 февраля 1928 г. [Советская Сибирь 1928, с. 4]. С начала издания и до февраля 1929 г. ответственным редактором был А. Ансон, хотя в исследовательской и справочной литературе встречается информация, что эту позицию занимал Г. А. Вяткин [Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области 2007, с. 78–79; Евдокимова 2015, с. 23]. С февраля 1929 г. ответственным редактором стал Г. Солдатов, с января 1931 г. — Г. Марков.

Изначально журнал не провозглашал себя «пионерским журналом»: в первых номерах было указано, что он предназначен «для детей школьного возраста», т. е. для детей от 6 до 16 лет. С сентября 1929 г. на первой странице журнала появляется подпись «журнал школьников и пионеров Сибири», с января 1931 г. — «журнал пионеров и школьников Сибири» (в журнале встречается оговорка, что он предназначается для детей от 9 до 15 лет, т. е. для старших октябрят и пионеров [Зарипова]).

Нужно отметить, что с первых же номеров журнал ориентировался на такие издания, как «Пионер», «Барабан», «Мурзилка» и «Еж», иногда даже перепечатывал материалы из них. Например, в № 5 «Сибирского детского журнала» (на с. 1) напечатана песня Георгия Лаврова «Марш экскурсантов» с подписью «можно петь на мотив “Мы кузнецы, и дух наш молод”», а после текста приводились ноты, точно так же, как в журнале «Еж» была опубликована

«Майская песенка» В. Маяковского (в №4 за апрель 1928 г.) [Архив журнала «Еж» 2016, с. 118]. А в 1930 г. в «Товарище» появляются «комиксы», оформленные точно так же, как иллюстрации в журнале «Еж», либо очень похожие на них. В третьем номере «Товарища» за 1929 г. с помощью последовательной серии иллюстраций с подписями под ними детям рассказывается о Февральской революции 1917 г. (с. 16). А в седьмом номере за 1929 г. появляется серия картинок «Братишкин-турист» (с. 45), из подписей к которым складывается стихотворение, заканчивающееся следующим образом: «...И кончил так: — “Довольно братцы!/Я обо всем вам рассказал./Пора и вам уж подписаться/всем коллективом на журнал!”». Такой же прием «саморекламы» активно использовал журнал «Еж» (например, №6, 8, 9, 10 за 1928 г.) [Архив журнала «Еж» 2016, с. 203; 255; 289; 327].

С журналом сотрудничали многие сибирские писатели: Глеб Пушкарев, Г. Вяткин, К. Гайлит, Е. Кочеткова, Агния Сенч, П. Стрижков, А. Коптелов, Вл. Ошанин, К. Буревои, М. Кравков, В. Итин, Ник. Анов, М. Крапивин, Е. Едихин и др. Важной чертой публикуемых в «Товарище» материалов было то, что они во многом ориентировались на установки «литературы факта», хотя нужно отметить, что некоторые авторы детского издания, такие как В. Итин, Г. Вяткин, В. Зазубрин, были объектом критики в новосибирском журнале «Настоящее» за приверженность старой литературной традиции. Создатели «Настоящего» — члены одноименной литературной группы — выступали за «правду» жизни, документирование и передачу «быта» без его приукрашивания и «олитературирования». Но эти же критикуемые авторы, как отмечает Е. В. Капинос, также печатали свои произведения в «Настоящем» и во многом определили его облик [Капинос 2016, с. 139]. Отметим, что на страницах «Товарища» публиковались произведения не только сибирских писателей, например, рассказ Ильи Эренбурга «Сын коммунара» (№3, 1929 г.) и отрывки из произведений Максима Горького.

В «Сибирском детском журнале» уже при его возникновении сложилось противоречивое сочетание стремления к передаче «реальности», «настоящего» и публикация таких произведений, в которых как будто собрано то, против чего выступали идеологи «литературы факта». Например, беллетристические рассказы, в которых главный герой — ребенок, часто пионер, — переживает различные приключения: борется с бандитами, дикими зверями, отправляется в тайгу на поиски золота и т. п. В то же время «Товарищ» постоянно

призывает своих читателей присылать рассказы, очерки и заметки, причем редакция говорит: «нам нужна ваша жизнь, жизнь вашей школы, вашей пионерской организации, вашей деревни и города». Со временем в журнале все больше и больше становилось призывов к политической активности, отчетов о ней, очерков и воспоминаний о важных событиях.

Отметим наиболее яркие материалы, в которых проявилось стремление редакции к конструированию и передаче «фактов». Уже в первом номере «Сибирского детского журнала» в заметке «Наш журнал» подчеркивалось, что его созданию предшествовало анкетирование: «Нужен ли сибирский детский журнал? С этим вопросом мы обратились к самим ребятам и получили несколько тысяч ответов». А в статье Антонины Шнейдер «Что и как читать» отмечалось: «Судя по полученным от вас анкетам, разосланным по школам, вы все приветствуете создание нашего сибирского детского журнала» (с. 21). То есть уже в начале существования журнала подчеркивалось, что его необходимость вырастает из самой «жизни», сами дети заинтересованы в том, чтобы выходило издание.

В первом номере журнала за 1929 г. на первой странице размещен фотографический портрет Ленина в траурной рамке с подписью «Исполнилось 5 лет со дня смерти величайшего вождя трудящихся всего мира — Владимира Ильича Ульянова-Ленина. Будем чтить его память, исполняя его заветы». На следующих страницах опубликована «пьеска в 1 действии» Н. Клеандрова «Ленин умер» (с. 2–4). Действие происходит в комнате, в которой находятся пионеры, из их разговора читатель понимает, что именно сейчас должны состояться похороны Ленина:

В о ж а т ы й. Очень грустно, что нашему звену пришлось как раз в день похорон Ильича дежурить по корпусу... (с. 2).

Вся пьеса превращается в своеобразный репортаж, сообщающий, с одной стороны, о том, как именно происходило прощание с Лениным:

П и о н е р к а. Мимо нашего дома движутся колонны профсоюзов, много, много;

В о ж а т ы й. Встаньте все!.. Сейчас опускают в могилу тело великого вождя рабочего класса Владимира Ильича Ульянова-Ленина (с. 4).

С другой стороны, пьеса показывает идеологически выверенную реакцию детей на смерть Ленина. Так, например, один из пионеров

на протяжении всего произведения сочиняет стихи, которые в конце исполняют все в качестве траурного марша:

В о ж а т ы й. <...> Миша где?

Пи о н е р. Миша пишет стихотворение к похоронам, говорит, кончу — приду на сбор звена и прочитаю.

В о ж а т ы й. Пусть пишет. Он у нас молодец (с. 2).

На наш взгляд, в этой публикации «реальность», «настоящее», «жизнь», которые для последователей «литературы факта» всегда противопоставлены «литературности», оказываются пронизанными ею, но и автор, и редакция это игнорируют.

Кроме того, пьеса «Ленин умер» состоит из нескольких частей, которые связаны между собой только темой смерти вождя: после сообщения о том, что действие происходит во время похорон Ленина, пионеры вспоминают о своих встречах с ним, затем герои пьесы произносят хором клятву, затем Миша читает сочиненное им стихотворение. Соединение трех стилистически разнородных «эпизодов»¹ может быть рассмотрено как использование в произведении приема монтажа — что, как отмечает И. В. Кукулин, всегда «осложняет и нарушает «реалистические» принципы изображения времени в произведении» [Кукулин 2015, с. 64]. Таким образом, в пьесе как будто воссоздается содержание журнала, условно изображенными оказываются очерк-воспоминание, статья с политическими призывами, поэтическое произведение (ср., например, с соображением И. В. Кукулина: «Простейшей и наиболее общеизвестной эстетической формой немотивированной «стыковки» сюжетов является газетная полоса. Различные тексты на ней сосуществуют симультанно и объединены только самой общей жанрово-тематической «рамкой» — все они относятся к новостям самого недавнего времени и, если полоса специализированная, к определенному типу новостей — культуры, спорта, иностранной политики или общественной жизни. В этих текстах представлены точки зрения самих журналистов и участников событий. Эстетика газетной полосы оказала существенное влияние на развитие монтажных принципов в литературе» [Кукулин 2015, с. 15]). С другой же стороны, именно такое соединение, «монтаж» элементов в пьесе нарушает соотношение ее с «реальностью».

В этом же номере опубликован рассказ Авенира Шнейдера «Митька и Ленька» (с. 17–18) о двух беспризорниках, которые вынуждены жить на улице, воровать, но спасаются от голодной жизни тем, что устраиваются работать в мастерскую игрушек:

Ленька с головой ушел в работу; в мастерской ему нравился запах клея и стружек в столярном отделении, где он работал уже пять месяцев. День работает, стругает плашечки, на которые потом устанавливаются игрушки, а вечером спит, имея теплый уголок при мастерской.

Раз Ленька встретил на улице Мишку, глаза его впали, лицо было бледно.

— Мишка, пойдем к нам, там так хорошо и не нужно воровать, — сказал Ленька.

— Ежели принимают — иду! — твердо сказал Мишка, и оба побежали в мастерскую.

Этот рассказ становится своеобразной «рекламой» мастерской по изготовлению игрушек, которая действительно существовала в то время в Новосибирске и в которой работали дети-беспризорники. Причем, описывая историю и устройство мастерской, И. Е. Лощилов отмечает, что первостепенным для ее создателей была не художественная ценность ее продукции, а реабилитация беспризорников [Лощилов 2017, с. 91–92]. Еще одним фактом, который связывает это реально существующее предприятие с журналом «Товарищ» и о котором также пишет исследователь, является то, что среди произведенных детьми игрушек есть куклы, созданные по мотивам обложки первого номера «Сибирского детского журнала», на котором изображен хор детей — представителей разных сибирских народов в национальных костюмах [Лощилов 2017, с. 92].

В качестве следующего примера стремления отобразить действительность, а не «выдумку», можно привести рассказ М. К. Гришина «Партизан Поля», опубликованный в № 3–4 за 1930 г. (с. 10–24), который по своему сюжету близок к «пионерской беллетристике», о которой мы уже писали выше. Но к этому рассказу сделана авторская заметка: «Эта история не выдумана. Она произошла в гор. Боготоле. Поля Бурков — действительное лицо.

Обложка первого номера «Сибирского детского журнала», 1928 г. Художник — Н. А. Янова-Надольская

Прикрас нет. Немного неточно передан побег из Омской тюрьмы из-за отсутствия документальных материалов. Все написанное согласовано с очевидцами, в частности с братом Поли — Геннадием Бурковым» (с. 10).

Во втором номере 1931 г. как будто происходит обратный процесс — внешняя жизнь вторгается на страницы журнала: здесь открывается так называемый «митинг», озаглавленный «Счет писателю», который продолжался в каждом номере до закрытия журнала (и даже после — на обложке № 12 за 1931 г. напечатано объявление «Издание журнала “Товарищ” с настоящего номера прекращается. Митинг “Счет писателю” будет продолжаться газетой “Юный ленинец”»). Митинг представлял из себя список книг сибирских авторов и повторяющийся призыв к «каждому пионеру и школьнику, каждому деткору» прочитать их и написать статьи и заметки по двум вопросам: «Какие детские книги нам нужны? Что нам дали сибирские писатели и что они должны нам дать?» (с. 39). В читательских заметках, поступивших в ответ на этот призыв, критиковались книги М. Кравкова, рассказ «Ростки» А. Таежного, другие авторы, в том числе не сибирские и не советские: например, деткор Клешнин написал, что считает плохими книги Фенимора Купера, Вальтера Скотта и Майн Рида (№ 2, 1931 г., с. 40).

В каждом номере «Товарища» публиковались не только прозаические произведения, но и стихи известных сибирских поэтов (Юрия Феоктистова, Е. Стюарт, Ив. Ерошина, Ал. Оленич-Гнененко, Н. Титова, Агнии Сенч и др.), а также сочинения детей, присылаемые в редакцию. В некоторых случаях вместе с публикацией стихотворений (как в № 2 за 1929 г.) или в ответах на письма (как в № 1 «Сибирского детского журнала» за 1928 г.) разбирались их недостатки и достоинства.

Печатались в журнале и научно-популярные и познавательные тексты. Например, в № 2 за 1929 г. — статья «Мамонтова кость» (автор — Б. Митропольский), в № 11–12 за 1929 г. опубликована статья «Через 10 лет полетим на Луну» (автор — Г. Андреевич), в № 12 за 1930 г. — статья «Стальные птицы» (автор не указан). Но постепенно в журнале уменьшается количество таких статей, их место занимают сообщения о выполненных наказах, очерки о сибирских заводах и состоявшихся слетах и собраниях.

С начала издания в «Сибирском детском журнале» существовала развлекательная рубрика, где публиковались ребусы и шарады, в которых были зашифрованы лозунги (например, в № 1

за 1928 г. — ребус с зашифрованной фразой «Пионер, будь здоров и будь готов!») или рекламные призывы (в задании «Мудреные дощечки» в № 2 за 1928 г. читатель получал фразу «Каждый школьник в Сибири должен быть подписчиком первого “Сибирского Детского журнала”»). Отметим, что авангардное искусство в 1920-х — начала 1930-х гг. воспринималось всегда во взаимодействии с политическим авангардом и должно было быть социально и политически актуальным [см., например: Крусанов 2010, с. 13]. В дальнейшем тенденция использования в загадках фраз с общественно-политической окраской и самопрезентацией исчезла, в журнале публиковались шарады и задачи, характерные и для других, в том числе дореволюционных изданий для детей. Так, с 1929 г. в журнале появился раздел «Шашки и шахматы», в котором публиковались не только шахматные задачи, но и описание того, как можно самому сделать шахматные фигуры (в № 1 за 1929 г.), правила игр (в № 2 за 1929 г.). Кроме того, почти в каждом номере публиковались шарады, задачи, описания игр (например, игра в омонимы в № 1 за 1929 г.), фокусы и опыты (например, в № 3 за 1929 г.). В № 2 перед задачами с шарадами опубликовано объявление о двух полугодовых конкурсах на разгадывание шарад: «За правильные ответы будут насчитаны очки: чем труднее задача, тем больше очков за нее. Кто получит большее количество очков за полгода, тому будет выдан от редакции подарок: книги, игры и прочее» (с. 40).

Основной особенностью, отличавшей журнал «Товарищ» от других детских и молодежных изданий Сибири, было наличие в нем большого количества иллюстраций. В первый год издания цветной была только обложка, внутри журнала были только черно-белые изображения, причем, как отмечает П. Д. Муратов, качество их печати было крайне низким [Муратов 2009, с. 190]. В конце 1928 г. в журнале начались эксперименты с цветовой заливкой, характерные для авангардного искусства: в последнем номере (№ 12 за 1928 г.) в оформлении иллюстраций уже использовался зеленый цвет. Мартовский номер 1929 г. (№ 3) вышел в полном цветовом оформлении: текст печатался синим цветом, иллюстрации и заголовки синим, оранжевым, черным, зеленым. В № 4 добавился желтый цвет. Так журнал печатали до августа 1929 г. Всего полноцветных номеров — пять. После этого в журнале снова стали печатать тексты черной типографской краской, а иллюстрации делались с цветной заливкой. Иногда стихи печатались на зеленом, красном

или оранжевом фоне. В 1931 г. иллюстрации в журнале снова стали черно-белыми, цветным осталось только оформление обложки.

В № 10 (октябрь) 1929 г. на залитом зеленым фоне опубликовано стихотворение «Многополье» (с. 10), подписанное «ученик В. Мониц»:

Как я завел в многополье,
 Многополье.
 Погляжу я на него —
 Ширь-раздолье.
 Трактор тащит плуга
 Вереницей.
 Трактор режет легко
 Всю землицу.
 Я руками в земле
 Не возился.
 От машины урожай
 Уродился.

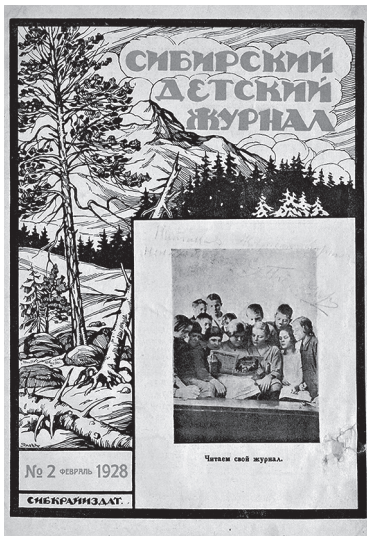
Семена все свои
 Я провею.
 Через год клевер я
 В поле сею.
 Клевер землю мою
 Удобрят.
 Земля пищи своей
 Не теряет.
 — Ох, какой урожай
 Жнейкой сжали!
 Клевер хлеба поднял
 Урожай.

Интересно то, что в нижней части страницы, под стихотворением, изображена достаточно условная фигура крестьянина с лошадью, запряженной в плуг. Иллюстрация не соотносится с текстом, но под ней есть подпись «Один в поле не воин. А кто же воин? Посмотри эту страницу на свет». Если последовать предложенной инструкции, то на иллюстрации проступят отпечатанная черным на предыдущей странице вереница тракторов, над первым из которых развевается флаг с надписью «Коллектив» (причем изображение на предыдущей странице сделано так, что надпись на флаге видна в зеркальном отражении и прочитывается правильно только

при просмотре страницы со стихотворением на свет).

Описанный прием можно назвать одним из необычных вариантов монтажа, применение которого характерно для авангардной печати. Мы уже писали о том, что во втором номере «Сибирского детского журнала» использовался монтаж: фотография детей, читающих первый номер журнала, накладывалась на пейзажную картину на обложке журнала [Абрамова 2016, с. 173]. В 1930 г. в журнале «Товарищ» появился еще один вариант применения приема монтажа. В иллюстрации А. Заковряшина к рассказу Агнии Сенч «Как Илька школу продал», опубликованного в № 1 за 1930 г. (с. 7), совмещены рисунок и фотография: нарисованной оказывается фигура ребенка, расположенная в центре (довольно условная, с нарушенными пропорциями и непрорисованными чертами лица, создающая впечатление детского рисунка), и фон — классная комната с партией и окном. Фигура расположена так, что создается впечатление, что ребенок смотрит на портрет, висящий в правом углу иллюстрации, над партией, а на портрете изображен В. И. Ленин, причем это фотография, помещенная внутрь картины. Подобный коллаж не был открытием в журнальном оформлении, но именно в 1910–1920-е гг. в авангардистском искусстве коллаж и близкий к нему фотомонтаж становятся, как отмечает Е. Бобринская, приемами, в которых находят воплощение возможности «соединения и взаимодействия в пространстве коллажа реальности как таковой с “реальностью”, созданной воображением» [Бобринская 2006, с. 27–31].

Дважды в журнале в 1930 г., в № 5 (статья «С некультурностью и тьмой мы завяжем смертный бой!») и в № 9, появляются изображения множачихся уходящих вдаль фигур. В первом случае перед читателем предстают вереницы абсолютно одинаковых учеников, во втором — таким серийно-умноженным строем на фотографии изображены тракторы. Здесь, как нам кажется, проявляется

Обложка второго номера «Сибирского детского журнала», 1928 г.

одна из генеральных стратегий авангарда, которую Е. С. Штейнер характеризовал как серийность, то есть «отказ единичному и индивидуальному в самоценности, последовательный отказ от единичного в пользу массового», который проявлялся на самых разных уровнях, в том числе и в иллюстративных техниках [Штейнер 2002, с. 79–80].

В начале 1930-х гг. в СССР меняется отношение к печатным изданиям, ужесточается цензура, возрастает контроль партийных структур над средствами массовой информации [Жирков 2016, с. 27–29], происходит трансформация установок как в социальной и в политической жизни общества, так и в сфере искусства. Постепенно прекратили свое существование многие экспериментальные журналы, в том числе и рассчитанные на детско-юношескую аудиторию.

Журнал «Товарищ» был одним из ярких явлений в сибирской детской и юношеской периодике. В нем, как мы попытались показать, проявились многие черты, характерные для авангардного искусства 1920–1930-х гг., но дальнейшее его существование в новых условиях не было возможным: «литература факта», идея кардинального преобразования мира, даже эксперименты с визуальным оформлением не были совместимы с изменившейся действительностью. В журнале «Товарищ» названные тенденции сохранялись на протяжении всего времени его существования. В декабрьском номере за 1931 г. редакция объявила о прекращении выпуска журнала. Дальнейшая судьба издателей и авторов, сотрудничавших с журналом, была трагичной: большинство из них (например, А. Ансон, В. Итин, Г. Вяткин, М. Кравков и др.) в 1937–1938 гг. были арестованы и расстреляны.

Примечания

¹ Об эклектике и совмещении разных стилей, характерных для искусства авангарда, см. подробнее, например [Авангард в культуре XX века 2010; Бобринская 2006; Кукулин 2015].

Источники

- Архив журнала «Еж». Том 1, 1928. М.: ТриМаг, 2016. 392 с.
Советская Сибирь. № 32, 1928. URL: <http://elib.ngonb.ru/jspui/handle/NGONB/19739>.
Сибирский детский журнал: ежемес. журн. Краевого отд. нар. образования и Краевого ком. ВЛКСМ (для детей шк. возраста)/ред. А. Ансон. № 1–6, 1928.
Товарищ: ежемес. дет. журн./ред. А. Ансон. № 10–12, 1928.
Товарищ: ежемес. дет. журн./ред. А. Ансон. № 1, 1929.
Товарищ: ежемес. дет. журн./ред. Г. Солдатов. № 2–12, 1929.
Товарищ: ежемес. дет. журн./ред. Г. Солдатов. № 1–24, 1930.
Товарищ: ежемес. дет. журн./ред. Г. Марков. № 1–12, 1931.

Исследования

Абрамова К. В. Сибирский детский журнал: темы, мотивы, редакционная тактика // Сюжетология и сюжетография. 2016. №2. С. 166–176.

Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.): Теория. История. Поэтика: в 2 кн./под ред. Ю. Н. Гирина. М.: ИМЛИ, 2010. Кн. 1.

Балина М. Р. Советская детская литература: несколько слов о предмете исследования // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920–1930-е гг.): сборник статей/сост. и ред. М. Р. Балина, В. Ю. Вьюгин. СПб.: Алетей, 2013. С. 7–19.

Бобринская Е. Русский авангард: границы искусства. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Д'Аркинджело Р. М. «Барабан»: шагаем с пионерами! (Из истории детских журналов 1920-х гг.) // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920–1930-е гг.): сборник статей/сост. и ред. М. Р. Балина, В. Ю. Вьюгин. СПб.: Алетей, 2013. С. 96–109.

Евдокимова Е. В. Становление сибирской детской журналистики (печатные издания для детей г. Новосибирска в 1920–1930 гг.) // Журналистский ежегодник. 2015. №4. С. 77–80.

Жирков Г. П. Журналистика сталинской эпохи. 1928–1950-е годы. М.: Флинта, 2016.

Зарипова Д. М. Журнал «Товарищ» как источник изучения образа советского ребенка. URL: <http://mkonf.igiran.ru/papers.php?id=123>.

Ильина Н. Из истории детских журналов 20-х — 30-х годов // Вопросы детской литературы, 1957 г. М.: Детгиз, 1958. С. 24–61.

Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области, 2008 год. Новосибирск: Новосиб. гос. обл. науч. б-ка, 2007.

Капинос Е. В. «Литература» и «факт» в новосибирском журнале «Настоящее» (1928–1930) // Сюжетология и сюжетография. 2016. №2. С. 138–165

Колесова Л. Н. Детские журналы в России. XX век. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009.

Крусанов А. В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор) В 3 тт. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Кукулин И. В. Машины зашумевшего времени: как советский монтаж стал методом неофициальной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Литовская М. А. Региональный журнал для детей в контексте советской периодики 1920–1930-х гг.: динамика идеологических приоритетов // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е — 1930-е гг.): сборник статей/сост. и ред. М. Р. Балина, В. Ю. Вьюгин. СПб.: Алетей, 2013. С. 110–134.

Лоцилов И. Е. «Культурная революция и авангард в Сибири 1920-х годов: «призрак коммунизма» // Вестник российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. №1 (86). С. 89–100.

Муратов П. Д. Художественная жизнь Новосибирска. Смутное время // Научный журнал. 2009. №2. С. 181–193.

Хеллман Б. Сказка и быль: История русской детской литературы/пер. с англ. О. Бухиной. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Холмов М. И. Становление советской журналистики для детей. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.

Штейнер Е. С. Авангард и построение нового человека. Искусство детской книги 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2002.